

302 303 304 305 306 307

19

18

Анна Ефименко

16

15

14

GOODBYE,
MR. BATES

302 303 304 305 306 307

Анна Ефименко
Goodbye, mr. Bates

«Издательские решения»

Ефименко А.

Goodbye, mr. Bates / А. Ефименко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506865-1

1820 год. Вся Англия с замиранием сердца следит за дерзкой авантюрой эксцентричной леди Элизабет Паркер, собравшей женскую морскую экспедицию в Ост-Индию. Капитан Паркер намерена отыскать несметные сокровища своего предка-пирата и разгадать тайну преследующих ее мистических видений. Однако она даже не подозревает, насколько опасным окажется это путешествие, ведь у каждого члена ее команды собственные цели. Чем закончится рискованное приключение леди Элизабет, и удастся ли ей остаться в живых?..

ISBN 978-5-00-506865-1

© Ефименко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Goodbye, mr. Bates

Анна Ефименко

Посвящается Надежде Башариной, без которой этой книги бы не существовало.

O Captain! my Captain!

*Дизайнер обложки Арабо Саргсян
Корректор Мария Устюжанина*

© Анна Ефименко, 2019

© Арабо Саргсян, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6865-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Капитан Паркер

Уж не знаю, за каким чертом женщины живут дольше тридцати лет: после они только под ногами путаются.
Ф. Берни. Эвелина

Леди Элизабет Паркер всегда слыла дамой своевольной и эксцентричной, поэтому, когда всю Англию взбудоражил слух о морской экспедиции в Ост-Индию, в которой всю команду корабля составляли исключительно женщины, никто не сомневался, кому изначально могла бы прийти в голову столь сумасбродная идея.

Женская половина высшего общества открыто презирала леди Элизабет, джентльмены же искренне пугались, когда она с пылом рассуждала о преимуществах недавно изобретенных речных пароходов или принималась рассказывать об артефактах древних кельтских племен, добытых где-то возле ее поместья. Однако все единодушно сходились во мнении, что личность леди Элизабет, безусловно, интересная и стоит всех обсуждений в светлых гостиных. Никто и предположить не мог, что очень скоро она удивит всю страну сильнее, чем когда бы то ни было это удавалось любой другой женщине.

Так кем же была эта загадочная Элизабет Паркер, урожденная Блэквуд?

Ночью 31 октября 1784 года в поместье сэра Ричарда Блэквуда, прославленного адмирала, его супруга леди Джейн готовилась разрешиться от бремени долгожданным первенцем. Роды проходили с осложнениями, и было мало шансов, что молодая женщина и ее ребенок выживут. Сэр Ричард нервно расхаживал под дверью, ведущей в покои роженицы, и буря, разразившаяся внутри него, ничуть не уступала силой бушевавшей близ поместья совсем не осенней грозе. Ровно в полночь слуга услышал, как хозяин в сердцах воскликнул: «Если моя жена и сын выживут, клянусь, что ребенок будет принадлежать тебе, Нептун!» Вздрогнув и осознав высказанное, сэр Ричард тут же огляделся по сторонам и перекрестился, а после сбивчиво прочитал молитву. Его жена родила дочь, которую нарекли Элизабет, и о клятве, произнесенной в миг отчаяния, было благополучно забыто.

Элизабет росла крепкой веселой девочкой с огненного цвета волосами, россыпью веснушек и крайне дерзким нравом. Уроки танцев и французского языка наводили на нее тоску, и куда больше ей нравилось гулять по диким уголкам усадебного сада, а то и вовсе выбираться в окрестные леса и бродить по холмам, в которых, согласно преданиям, обитали феи. Компанию в этих тайных променадах ей составляла лишь Мэйбл, дочь служанки, приходившаяся ровесницей дочери Блэквудов. Именно хрупкая темноволосая Мэйбл стала ближайшей подружкой юной леди Элизабет.

Отношения с леди Джейн, матью Элизабет, складывались непросто. Та часто ругала дочь за отсутствие хороших манер, невнимание к гардеробу и бесконечное озорничанье вне домашних стен. Мать сетовала и на шотландское происхождение сэра Ричарда Блэквуда, обвиняя якобы дурную дикарскую наследственность в «неанглийском» поведении дочери.

Их усадьба стояла недалеко от границы с Камберлендом – то были прекрасные северные края с густыми первозданными лесами, помнившими, казалось, юность самого мира. В давние времена на этой земле жили древние племена кельтов и пиктов, чье культурное наследие до сих пор отражалось в местном фольклоре.

Поместье Блэквудов располагалось неподалеку от озера Девы – так называла водоем Элизабет, после того, как услышала в детстве сказку о прекрасной деве, живущей в глубине озера. Ребенком Элизабет, бывало, подолгу лежала на берегу и смотрела в воду в надежде, что волшебная дева вынырнет из глубин подводного царства и предстанет перед ней.

Каждое лето Блэквуды устраивали в поместье прием на открытом воздухе. Достигнув тринадцатилетнего возраста, Элизабет к вящему недовольству матери уже совсем перестала интересоваться событиями в доме. Мэйбл, казалось, тоже от нее отделилась: теперь подругу куда больше занимало общество сына местного конюшего, нежели рыжеволосой Лиз.

Одному из таких ежегодных летних приемов было суждено изменить жизнь Элизабет. Пытаясь скрыться от толпы незнакомых ей людей, от суматохи, творившейся в обычно таком спокойном саду, девушка решила вернуться в дом и перед сном немного отдохнуть в библиотеке рядом с кабинетом отца. Тогда она зачитывалась эссе Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин», где впервые освещались проблемы образования и интеллектуальных способностей слабого пола. Многие считали миссис Уолстонкрафт всего-навсего бунтаркой, а вдохновение ее работ приписывали кровавым событиям Французской революции, что не могло встретить положительный отклик в монаршем государстве.

Найдя заветную книгу, Элизабет уютно устроилась в мягком кресле и уже погрузилась было в чтение, как вдруг услышала чьи-то шаги, приближающиеся к библиотеке. Повинуясь какому-то иррациональному порыву, она, вместо того чтобы вежливо поприветствовать гостей и обменяться с ними любезностями, захлопнула книгу и быстро спряталась за кресло. Дверь отворилась, в зал вошли двое джентльменов.

– Не все так просто в этом семействе, – услышала она незнакомый голос. – Предок Ричарда был известным пиратом по имени Блэквуд. Свое богатство тот нажил, нападая на испанцев и французов, а некоторые говорят, что и на англичан тоже! Конечно, он получил от доброй королевы Бесс¹ титул за свои подвиги, но на деле все равно оставался разбойником, не имевшим происхождения. Также он славился варварскими, безбожными поступками и однажды даже ударил викария!

– Это не вы ли мне рассказывали ту прелюбопытную историю, – спросил другой незнакомец, – про рождение дочери Ричарда, юной леди Элизабет?

– Ходят слухи, – шепотом поведал первый, – что во время родов своей жены сэр Ричард поклялся, что его ребенок будет принадлежать Нептуну!

Тут дверь в библиотеку распахнулась, и высокий голосок некоей дамы потребовал, чтобы мужчины вернулись к остальным обратно в сад.

Как только они вышли, Элизабет стремглав помчалась в свою комнату, где провела всю ночь, терзаясь в догадках. Она думала о таинственном пирате Блэквуде и о том, что беседовавшие в библиотеке мужчины сказали об ее отце. Уже под утро девочка искала возможность намекнуть родителю о таинственной клятве. И вскоре такой случай ей представился.

...Котенок Мэйбл решительно не хотел спускаться с дерева вниз. Маленькая хозяйка плакала под деревом, Элизабет стояла рядом. Испуганное мяуканье котенка тонуло в мареве жаркого летнего дня. Дерево было высоким, старый дуб рос тут не одну сотню лет. Забравшись на самую верхушку, зверек боязливо сжался на тоненьких веточках. От этого зрелища Элизабет стало не по себе. Мэйбл намерилась пойти в сарай и уговорить слуг позволить ей взять лестницу, но огненноволосая госпожа не могла этого допустить. «Мой предок так бы не поступил, – решила она. – Блэквуд бы сам залез на дерево и принес любимого котика своей леди».

Заплаканная Мэйбл вскрикнула от удивления, когда Элизабет молча полезла на старый дуб. Платье цеплялось и мешало храброй девочке двигаться, а ветки, будто скрюченные пальцы, тянули ее за волосы. Элизабет вспотела и даже поцарапала щеку, пробираясь сквозь паутину ветвей. Взобравшись практически на самую крону дерева, она оглянулась и обомлела: как же далеко внизу была земля! Так же, наверное, чувствовал себя пират Блэквуд на самой высокой мачте корабля! Над головой девушки по лазоревому небосводу проплывали облака, и были они похожи на белоснежные парусники, идущие по морю. «Туда, далеко-далеко, где

¹ Доброй королевой Бесс современники называли Елизавету I Тюдор (здесь и далее прим. авт.)

есть то, что мне еще неизвестно!» – прошептала Элизабет, и сердце ее наполнилось щемящей тоской по далеким далям, по необъятным просторам, по какой-то невыразимой бесконечности. Где-то там серебрилось озеро Девы, а за ним, еще дальше, вольно раскинулось Ирландское море...

Котенок вновь издал жалобный писк. Девочка постучала пальцами по ветке, и звек, привлеченный движением, начал подкрадываться. Как только он подобрался достаточно близко к ее руке, Элизабет схватила котенка и быстрым движением спрятала пушистый комочек себе за пазуху.

Именно в этот самый момент на втором этаже дома сэра Ричард с увлечением рассматривал новую подзорную трубу – подарок от флотских товарищей.

Хозяин поместья с ностальгией вспоминал свои былые дни в море. Как жаль, что он больше не сможет вдохнуть полной грудью свежего океанского ветра, больше не вкусит пламени сражений, не позволит своей судьбе зависеть от исхода морской битвы. Теперь, в отставке, интересы сэра Ричарда были направлены на дела сугубо коммерческие, такие, как, например, открытие первой в графстве ткацкой фабрики и школы для детей арендаторов. Однако в собственности адмирала Блэквуда еще оставался некий именной барк, запертый где-то в доках Ливерпуля. Сэр Ричард надеялся со временем продать барк, потому что не видел смысла в капитальном ремонте судна.

...Подзорная труба, лежащая на бархате внутри искусно расписанной якорями шкатулки, манила и притягивала адмирала в отставку. Поддавшись искушению, мужчина решительно взял подарок в руки и подошел к окну. По воле судьбы первым, что он увидел сквозь толщу первоклассных увеличительных стекол, стала его дочь, сидевшая на верхушке старого дуба, росшего в углу сада. Побледнев, отец выскочил из кабинета и помчался вниз по лестнице.

Когда он прибежал к дереву, Элизабет уже благополучно спустилась на землю и теперь отдавала котенка растроганной Мэйбл.

– Во имя Господа нашего! – закричал сэр Ричард, подбегая к дочери. – Я требую объяснений, леди Элизабет! Какая муха вас укусила?! Как вам не стыдно?!

Элизабет подошла к отцу ближе, крепко сжав кулаки. Рваное платье, застрявшие веточки во всклокоченных волосах, горящие зеленые глаза – в таком виде она походила больше на дикого лесного духа, чем на юную леди. «Сейчас или никогда», – мелькнуло в голове у девочки, и она решилась.

– Вы не выполняете свою клятву перед Нептуном, сэр! – воскликнула с вызовом рыжая бунтарка. – Это вам должно быть стыдно перед вашим предком, пиратом Блэквудом! Разве той злополучной ночью вы не обещали Нептуну своего ребенка? И почему же вы не растите из меня отважного морехода?

Лицо сэра Ричарда исказила гримаса. После своих слов Элизабет упала в обморок – отчасти из-за страха перед родителем, отчасти из-за впечатлений, пережитых на дереве.

Очнувшись же, она обнаружила, что находится в кабинете отца. С этого вечера все изменилось навсегда.

Отец стал уделять ей много внимания, а когда понял, что дочь требует больше того минимума знаний, который дают ей гувернантки, сэр Ричард осознал, что наконец-то он стал счастливым. Пусть его ребенок был женского пола, но зато мог бы дать фору любому джентльмену в ловкости, любознательности и умении управляться с кораблем. Леди Джейн скрепя сердце приняла произошедшие в семье перемены, ведь в глубине души она всегда подозревала, что с ее дочерью что-то не так.

Первым судном, которым Элизабет научилась управлять, стал ялик, позволивший ей вдвоем с Мэйбл плавать под парусом по озеру Девы и воображать себя бесстрашными путешественницами.

Когда же юная леди пожаловалась на неудобство своего платья, сковывающего движения, отец тут же распорядился сшить ее первый морской костюм, включавший в себя сюртук, рубашку и бриджи. Все составные костюма были светло-бежевого, почти белого цвета, тогда как сюртук контрастировал на их фоне насыщенной темно-синей плотной тканью.

С тех пор Элизабет все чаще надевала мужскую одежду, когда приходила на занятия к отцу, который воспринял это как нечто само собой разумеющееся. Сэр Ричард пообещал, что если дочь проявит усердие в изучении науки мореходства, то они обязательно совершат путешествие на настоящем корабле. Он показал ей миниатюру с портретом их предка, знаменитого пирата Блэквуда: на портрете был изображен одноглазый рыжий мужчина с густой золотистой бородой. Тогда же Сэр Ричард поделился с дочерью и кочевавшей из поколения в поколение легендой о кладе, равном королевскому состоянию, который их предок зарыл на далеком острове в Ост-Индии.

Хотя теперь любимыми книгами девочки стали многочисленные жизнеописания великого Горацио Нельсона, прославившего Королевский военно-морской флот на века, с не меньшим удовольствием Элизабет читала и приключенческие романы о пиратах и несметных богатствах, которые те прятали в пещерах затерянных в океане островов.

Проводя все свободное время с отцом, Элизабет и сама не заметила, как превратилась с годами в красивую молодую девушку. Похорошела и ее закадычная подруга Мэйбл, вышла замуж за молодого гравера и уехала с ним куда-то близ Манчестера, превратившись отныне в миссис Эйден Рэдклифф. Потеряв Мэйбл, Элизабет пережила сильнейший нервный срыв, но впереди были и другие потери.

Сэр Ричард стал вдовцом. Леди Джейн, которая не отличалась крепким здоровьем, скончалась от водянки, мучившей ее последние несколько лет.

Чтобы приободрить дочь, сэр Ричард повез ее в Лондон, откуда они совершили небольшое морское путешествие к берегам Ирландии. Элизабет показала себя умным и ловким мореходом, что вызвало немалое удивление у корабельной команды.

После смерти матери Элизабет все чаще носила мужское платье, также она помогала отцу в управлении ткацкой фабрикой и поместьем, которое она тем не менее никогда не смогла бы унаследовать.

Видя тоску дочери по Мэйбл и очевидную нехватку женского общества в доме, сэр Ричард распорядился прислать в поместье дальнюю кузину Элизабет, прелестную и скромную леди Софи де Вер, обладавшую всеми возможными христианскими добродетелями в характере и всеми возможными прелестями в облике. Семейство де Вер, родственное Блэквудам, испытывало серьезные финансовые затруднения, вследствие чего кареглазая красавица леди Софи не была обеспечена достойным для ее положения приданым, к тому же юная де Вер недавно пережила увлечение «неподходящим человеком» во время каникул во Франции, и сэр Ричард вознамерился подыскать ей выгодную партию в родных краях, если только девушка сможет вытащить его любимую Элизабет из черной меланхолии и станет ей верной подругой, каковой была когда-то Мэйбл.

Когда дочери исполнилось двадцать лет, отец вызвал ее к себе и признался, что легенда о сокровищах пирата Блэквуда – истинная правда. Он достал из потайного ящика бюро нарисованную от руки карту и развернул ее на столе. С раскрытого полотна карты на потомков пирата смотрел причудливо изображенный остров, очертаниями напоминающий чью-то руку. «*Рука Титана*» – гласила витиеватая подпись внизу. Сэр Ричард подробно объяснил, как добраться до этого места в Ост-Индии. Оказывается, отставной адмирал надеялся, что будущий сын Элизабет когда-нибудь отправится за несметными сокровищами своего предка.

Но откуда появиться наследнику без законного брака? Как выяснилось, этот вопрос был тоже давно решен, и кандидатом на руку Элизабет стал знатный и изнеженный сэр Альберт Паркер.

Молодой человек находил свою невесту статной и красивой рыжеволосой дамой с достаточным состоянием, которое сможет улучшить материальное положение семьи Паркер. Но в глубине души юноша, в чьих жилах текла кровь великих духовников времен Реформации, был уверен, что Элизабет его недостойна. Ей же самой жених показался вялым, апатичным и неспособным на подвиги – практически газетная карикатура на типичного аристократа!

Однако свадьбе было суждено состояться, и молодые супруги поселились в поместье Блэквудов. Поначалу леди Софи де Вер завидовала молодой жене, однако, узнав подробнее о безденежье родителей Альберта, поняла, что брак с ровней еще не гарантия уверенности в будущем. Сэр Ричард же сразу приметил, что общество мужа неприятно его дочери, и ругал себя за необдуманый выбор жениха, который не принес Элизабет радости.

Еще на свадебном пиру сэр Альберт обнажил свою истинную сущность – горького пьяницы и неисправимого любителя азартных игр. В первую брачную ночь он пришел к Элизабет изрядно выпившим и, едва добравшись до кровати, уснул мертвецким сном. Новоиспеченный муж приходил еще несколько раз, но его грубость в итоге так рассердила Элизабет, что однажды она даже предложила ему сразиться с ней на шпагах, дабы решить, где ему провести ночь. Сэр Альберт зло рассмеялся, снял со стены шпагу, доселе служившую разве что украшением интерьера, и был моментально повержен.

Инцидент со шпагами чудовищно огорчил Элизабет. Неужели даже в собственном доме ей больше не найти покоя? Наутро она отправилась с ближайшей станции на самом скором дилижансе в Ливерпуль, где надеялась завербоваться на какой-нибудь корабль, но получила лишь насмешки и унижения в свой адрес и ни с чем вернулась домой. В дороге ей стало дурно, и доктор, пользовавший Блэквудов несколько десятилетий кряду, сообщил домочадцам счастливую весть о том, что леди ждет ребенка. Новость не обрадовала саму Элизабет, однако, не имея другого выбора, она смирилась с неизбежным и даже представляла свою будущую дочку, с которой они вместе будут бороться против жестокого и несправедливого мира.

Когда пришел срок, у нее родился мальчик, будущий наследник титула и поместья. Младенца нарекли Уильямом, а его внешнее сходство с Альбертом было воистину пугающим, и Элизабет инстинктивно избегала лишнего общения с ребенком, хоть и корила себя за это. Но будущее подготовило ей новый путь для нерастраченной материнской любви.

Поняв, что корабельных путешествий ей не видать, Элизабет открыла на территории поместья специальную школу для девочек из небогатых семей их арендаторов, и сама же стала в этой школе преподавать. Впоследствии она мечтала создать еще и фабрику для девочек, вроде той, которую открыл в Дербишире несколько десятилетий назад Ричард Аркрайт².

За обучение девушки леди Элизабет получали небольшую стипендию, поэтому родители охотно отпускали их учиться у эксцентричной хозяйки местных земель, которая, в противовес холодности, ставшей ее постоянным спутником дома, щедро одаривала учениц своей любовью и лаской. Ей было приятно видеть, как малышки восхищенно смотрят на нее и дарят незатейливые подарки, сделанные своими руками. Девочки обучались разным предметам, которые, как думала Элизабет, могут оказаться им полезны в будущем. Самые юные ученицы до тринадцати лет ходили в школу каждый день, а более взрослые девушки, работавшие в дневное время, посещали занятия вечером.

Паркер учила девушек и сугубо мужским занятиям: как постоять за себя с оружием в руках, а иногда и без него. Особое внимание уделялось и мореходному делу. С какой радостью ученицы забирались на ее старый ялик и плавали по очереди на озере Девы! Воспитанницы были преданы ей всей душой – большая часть из них в итоге оказалась готовой даже рискнуть собственными жизнями и отправиться с наставницей в опаснейшее приключение по морю.

² Знаменитый предприниматель эпохи промышленной революции, текстильный промышленник, изобретатель.

Годы шли, и Элизабет все чаще вспоминала о пирате Блэквуде и его сокровищах. Кем он был? Откуда пришел? Отец рассказывал, что их предками были суровые пикты, которые пугали захватчиков своим диким и неукротимым нравом. «Если пикты совершали ритуал боевого раскреса, то они, будь то мужчины или женщины, превращались в безжалостных убийц и преследовали римлян до тех пор, пока не убивали их или же сами не были убитыми», – рассказывал ей сэр Ричард. «Как жаль, что я не родилась в то время, и мне приходится поступать совсем не так, как хотелось бы», – с отчаянием думала его рыжеволосая дочь, стараясь найти всевозможные книги о пиктах и других древних племенах.

Наверное, одноглазый пират бороздил океаны, отнимал золото и был невероятно свободен! Но почему же он решил спрятать золото именно на острове Рука Титана? И сколько там этого золота? И отчего же, ну, отчего же ее отец не отправился по следам Старого Блэквуда и не взял ее с собой вместо того, чтобы выдать замуж за никчемного сопляка!

Но получить ответ на эти вопросы Элизабет не удалось: вскоре адмирал сэр Ричард Блэквуд умер после продолжительной болезни сердца. Он покинул этот мир, будучи дома, в своей постели, и до самого последнего вдоха любимая дочь, сидевшая рядом, сжимала его руку.

Альберт Паркер переминался с ноги на ногу у дверей, ведущих в украшенный плетеным кельтским орнаментом кабинет жены, ранее бывший кабинетом сэра Ричарда. После недавней смерти отца она проводила там все свободное время, и никто не осмеливался ее беспокоить. Войдя наконец в просторную комнату, Альберт неожиданно застал там своих старых знакомых, которым задолжал огромное количество денег. Альберт содрогнулся, увидев пепельно-серое, искаженное гневом лицо жены. Вся ее ненависть и боль готовы были вот-вот вырваться наружу. Гости поспешили ретироваться, тогда как Альберту вдруг стало действительно страшно оставаться с супругой наедине. И боялся он не зря.

«Ты пустил нас всех по миру! Картежник, идиот, пьяница!.. Если через полгода мы не выплатим твои долги, земля моих предков и наш дом пойдут в уплату, а мы сами будем попрошайничать! Я убью тебя, ничтожество!..» – кричала Элизабет, размахивая серебряным ножиком для бумаг, который она в гневе схватила со стола. Альберт испуганно убежал, сбив с ног леди Софи де Вер, внимание которой привлекла ссора в кабинете.

Элизабет упала на стоящую рядом софу и разрыдалась. Софи крепко обняла несчастную кузину, которую разорил собственный муж, и та обняла ее в ответ, потому что здесь и сейчас, среди обманщиков и врагов, леди Софи оставалась той самой единственной ниточкой, которая соединяла Элизабет со счастливым прошлым. Сжимая де Вер в объятиях, она одновременно обнимала мать, отца и навсегда потерянную для нее Мэйбл.

«Неужели нет никакого средства, Лиз, чтобы достать нужную сумму денег?» – сокрушенно качала головой Софи.

Внезапно, озаренная какой-то догадкой, Элизабет вдруг подняла заплаканное лицо, встала, расцеловала подругу в обе щеки и направилась к секретному ящику отцовского бюро...

В Ливерпуле Элизабет теперь уже хотела не завербоваться, а самостоятельно арендовать корабль и нанять людей под своим командованием, но на этот раз встретила не с волной, а с целым океаном презрения, насмешек и жалостливых взглядов за спиной.

Да, безусловно, она могла нанять корабль с капитаном и командой, но прекрасно знала, что женщине нечего было делать на борту, а тем более – на посту капитана. Вряд ли где в Англии сыскалась бы область консервативнее мореходства. Всего пятнадцать лет назад, в год

Трафальгарского сражения, Адмиралтейство принципиально отвергло любую возможность применения паровых кораблей, «*поскольку использование пара способно нанести роковой удар по величию Империи*»³. Кораблестроители как могли боролись с новшествами в своей отрасли. Что уж говорить о командном составе! Ни один уважающий себя моряк не ступил бы на борт корабля, управляемого женщиной. Но позволить другому капитану завладеть сокровищами Старого Блэквуда Элизабет просто бы не смогла.

Всю обратную дорогу Паркер молчала, но в душе ее бушевал настоящий ураган. Вернувшись домой, она направилась в конюшню, оседлала жеребца, отличавшегося особо крутым нравом, и поехала куда глаза глядят, подгоняя его все быстрее и быстрее.

Слева от нее раскинулась долина, за которой молчаливыми зелеными стражами высились холмы. Холодный ветер пронизывал до костей, а вдалеке уже слышались первые раскаты грома. Элизабет все подгоняла вороного жеребца, пока он неожиданно не сорвался и не понес ее прямо в лес. Ветки деревьев больно хлестали женщину по лицу, а она все неслась сквозь чащобу, пока, наконец, ударившись головой об одну из ветвей, Элизабет не вылетела из седла.

Холодные капли дождя привели ее в чувство. По-прежнему лежа на земле, она дотронулась до головы и ужаснулась: пальцы стали липкими от крови.

Неподалеку раздался шорох – с опушки к ней спускался мужчина. Леди Элизабет попыталась подняться на ноги, но все вокруг предательски расплывалось перед глазами. Мужчина же тем временем приближался. Паркер почувствовала себя ужасно: каково это – оказаться в лесу наедине с чужаком, не имея даже возможности четко видеть и прямо стоять?

– Эй, назовите себя! У меня пистолет, не стоит ко мне приближаться! – крикнула она, прибегнув к мелкой лжи ради безопасности.

– Ты знаешь меня, Лиз, – произнес мужчина с густой рыжей бородой и одним зеленым глазом; второй глаз скрывала кожаная повязка. – Я здесь, чтобы помочь тебе сделать то, что ты должна! – добавил пират.

– Ты призрак? – недоверчиво моргнула Паркер.

– Нет. Я то, чем ты хочешь стать. Собирай свою собственную команду и отправляйся в море.

Она ответила что-то невразумительное и провалилась в забытие. Когда рассудок вновь вернулся к ней, рядом не было никого, кроме строптивного черного жеребца, мирно пасущегося в зарослях травы.

Голова Элизабет раскалывалась после удара, но обращаться к семейному врачу ей не хотелось. Вместо этого она лишь позволила Софи заклеить поцарапанное ветками лицо кусочками светлого шелка, пропитанными рыбьим клеем, чтобы не выглядеть как разбойник после драки.

Она понимала, что пират Блэквуд был всего лишь порождением ее поврежденного разума. Возможно ли, что ее покровитель – призрак? Элизабет вспомнила историю, которую слышала в детстве о молодом герцоге Уилоуби. Тот ушиб голову, после чего повсюду видел свою умершую невесту. «Ну и что же! Кем бы ни было это видение, оно помогло мне поверить в себя! Зная, что меня ведут высшие силы, я отныне способна на все!» – воодушевленно размышляла женщина. И больше она не могла избавиться от желания отправиться в далекое путешествие, которое могло стоить ей жизни. Отныне эта мечта сопровождала ее постоянно и требовала воплощения в реальности. Элизабет всегда считала себя смелой, но именно сейчас ей нужно было сделать окончательный выбор и решиться следовать за этой мечтой, призвав на помощь все свое мужество, не опасаясь провала или осуждения со стороны.

Больше отступать она не собиралась. Тем более что прежний мир рушился на части: за гигантские карточные долги ее мужу грозила тюрьма, не делавшая различия между бедня-

³ Г. Уилер. Британская повесть о морских чудесах (пер. И. Харитонов)

ками и знатю, а их дом – ее родовое гнездо! – мог уже в самое ближайшее время быть выставлен на продажу.

Запершись в бывшем кабинете отца, Элизабет надела на ушибленную голову треуголку сэра Ричарда, с которой впредь не собиралась расставаться. Рыжеволосая женщина посмотрела на себя в зеркало. Ей было тридцать шесть лет, мир был велик, жизнь была одна.

«Согнулась, но не сломалась!» – подумала она, глядя в зеркало. Решено: скоро она станет капитаном корабля и пусть весь мир либо примет это, либо катится к дьяволу.

Глава 2

В путь

*Морось – это слезы облаков,
И разрушитель прокоса,
И раздражение пастуху.*

Древнеисландская руническая поэма

Софи де Вер могла лишь проклинать злой рок, нависший над их злополучным семейством. Вместо удачного замужества и всех перспектив, открывающихся для родни адмирала, что досталось ей? Коротать вечера, будучи уже оформившейся старой девой, за игрой в вист в компании обнищавшей кузины, которой какие-то демоны нашептали в ухо сумасбродство – отправиться на затерянный в океане остров и найти там клад! Да к тому же – последнее время Элизабет просто фонтанировала безумными идеями – с командой моряков, коими станут исключительно женщины.

– Мы проиграем! – тщетно увещевала она «капитана Паркер», как Элизабет с недавних времен попросила к себе обращаться. – Ты станешь парией, Лиз, дорогая, перед тобой захлопнутся все двери! И если тебе это безразлично, то подумай о своем сыне: какое отношение в обществе ждет Уильяма, если его беспутная мать в обход всех законов и норм морали, потакающая лишь собственному тщеславию, решила на такое?

Но и на Софи была своя узда, и называлась она просто – деньги. Все равно от близости к семье Блэквудов теперь ей грозили лишь позор да публичное порицание, а оставаться в поместье, которое к тому же со дня на день могут конфисковать, было тоже небезопасно. Логичным решением среди всей этой свалившейся на голову фантазмагории было отправиться в путь вместе с Элизабет – по крайней мере, у той больше никого не было, кроме учениц помещицкой школы, готовых на все ради своей госпожи. Паркер сразу же определила Софи своим первым помощником и пока что единственным офицером. Де Вер улыбалась и кивала кузине, словно умалишенной, с которой лучше не пререкаться. «У меня появятся деньги, – успокаивала себя Софи. – При благополучном стечении обстоятельств я вернусь домой разбогатев. А там уж найду кого-то не особо брезгливого, кто польстится на состояние. А если ничего не получится с сокровищами... Что ж, хуже, чем сейчас, ситуации уже все равно не будет».

Лишь однажды в жизни Софи все складывалось безоблачно: в те каникулы на континенте, когда в гостях у родственников в Нормандии девушкой неожиданно увлекся молодой мсье Лакомб, юноша высокий, справный, с копной черных волос и потрясающей галантностью в манерах. Сколько провели они летних часов, наполненных каким-то неведомым томлением, в роскошном парке усадьбы! Мсье Лакомб взял Софи за тонкую бледную руку в тайном гроте позади фонтана, прежде чем опуститься на одно колено и сделать ей предложение...

Леди Софи тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Память, неубиваемая память – вот все, что у нее осталось. Помни, что было, когда все узнали! «Ты ополоумела, собраться замуж за этого безродного француза?!» – иступленно кричала мать. Дальше все стало еще хуже: разорившись вконец, она, уже осиротевшая к тому времени, переехала на север Англии, к своей кузине Элизабет, родство с которой обещало многое, но наяву обернулось настоящим кошмаром.

Примерно в таких размышлениях Софи, неожиданно превратившаяся в «офицера де Вер», проводила последние недели в ливерпульском особняке Блэквудов. Элизабет решила на время переехать в Ливерпуль, чтобы там провести отбор кандидаток в корабельную команду, пользуясь удобным расположением в черте крупного портового города и надеясь на хотя бы незначительное количество откликнувшихся на ее объявление.

Столкнувшись с тем, что воспитанниц школы Элизабет будет недостаточно для экипажа барка численностью в шестьдесят-семьдесят человек, было принято решение дать объявления в несколько газет о наборе женщин-добровольцев в «морскую экспедицию исключительно для дам». Основными требованиями были телесная выносливость и любой опыт путешествий по воде.

Однако даже печатные издания отказывались порочить свое доброе имя и терять читателей, публикуя подобные объявления. Получив отказы от «Таймс» и нескольких менее известных редакций, капитан со своей помощницей уж было совсем отчаялись, когда вдруг неожиданно пришла подмога – конечно же! – из Шотландии. «Курьер», редакция которого находилась в шотландском Данди, опубликовал призыв капитана Паркера к женщинам Британии (владычицы морей!), и новость о невиданном доселе корабле без мужчин моментально разлетелась по стране.

Что тут началось! Пока еще несуществующая команда под руководством «этой мошенницы, особы крайне экзальтированной и неуравновешенной» была подвергнута столь яростным насмешкам и злобной критике, что слугам ливерпульской резиденции Блэквудов было жаль приносить рыжеволосой госпоже свежие выпуски газет или делиться новостями, подслушанными на улицах.

«САМОЗВАНКА НА ПОСТУ КАПИТАНА КОРАБЛЯ!»

«АДМИРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ ХОЧЕТ УКРАСТЬ НАШИХ ЖЕН, ПРЕВРАТИВ ИХ В МАТРОСОВ!»

«ЗАСКУЧАВШАЯ БЕЗДЕЛЬНИЦА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ!»

Таковыми памфлетами пестрили все первые полосы. Но, как ни странно, пока негодовал высший свет, церковь и еще некоторые обособленные рупоры нравственности, простые английские труженицы оказались готовы отправиться в опасный путь и, воровато оглядываясь по сторонам, несли письма с просьбой капитану Паркеру рассмотреть их кандидатуры.

В итоге было решено назначить собрание всех пожелавших присоединиться к команде и провести небольшое интервью с каждой откликнувшейся женщиной. В основном на собеседование вызывались желающие попасть на борт в качестве матросов, но было и два заявления от перспективных офицера (некой дамы из Италии, подписавшейся одним только именем) и даже штурмана (Софи сразу заявила, что это чья-то злая шутка и не стоит питать излишних иллюзий).

После шумихи, учиненной в газетах, Элизабет не могла останавливаться на постоянных дворах: негодующие выбивали там окна. В саму женщину летели гнусные выкрики, комья грязи, а иногда и чего похуже. Стоит ли упоминать о том, что высший свет также подверг ее полному ostracismу, и представители бомонда теперь стыдились даже упоминать о своем знакомстве со скандальной леди Элизабет или ее покойным отцом.

В Ливерпуле же Паркер надеялась хотя бы на пару недель перевести дух и повидаться с теми, кто откликнулся на ее призыв. Она попросила слугу провожать всех входящих в дом с черного хода, дабы толпа бесчинствующих на улице не забросала и ни в чем не повинных женщин камнями, огрызками яблок и не наградила их шляпки и платья смачными плевками.

А внутри дома, в гостиной, сидели трое: сама Элизабет, вечно преданная ей Софи и гостя по имени Мардж, чья биография позволяла относиться к ней как к одному из главных действующих лиц пока еще гипотетического путешествия.

МАРГАРЕТ «Мардж» УАЙТ – боцман

Мардж, как ее звали родные и друзья, была женщиной с удивительной судьбой. Еще в 1798 году она лично принимала участие в ни много ни мало легендарной битве при Абукире, без усталости собирая порох из облицованного медью склада и поднося его пушкарям. Позже Мардж наряду с другими женщинами и детьми, внесшими свой посильный вклад в величайшую морскую битву, заявила свои права на государственную награду, однако, получила отказ от короля.

Это была коренастая, дородная женщина пятидесяти четырех лет, с раскатистым смехом, пышными темными волосами и добрыми глазами, невысокого роста и всегда энергичного настроения, несмотря на свои уже не юные годы и жизнь, редко баловавшую Мардж счастливыми событиями.

Элизабет с Мардж еще давно познакомил отец, лично выделивший женщине пособие, ведь его бывшие подчиненные были многим ей обязаны в ходе битвы при Абукире. Горько было узнать, что государство предпочло не замечать некоторых своих героев и оставить их без награды! Однако сама Мардж не унывала: в Ливерпуле ей удалось открыть бакалейную лавку и управлять делом вместе с мужем, который, имея более мягкий характер, иногда даже побаивался своей воинственной супруги.

...Войдя в бакалейную лавку Уайтов, Паркер услышала раскатистый хохот Мардж, стоявшей за прилавком и сплетничавшей с покупательницей. Завидев Элизабет, о которой сейчас возмущенно писали все газеты, она улыбнулась еще шире и радостно поприветствовала рыжеволосую «капитаншу».

– Я к вам по делу, Маргарет. Окажите любезность выслушать мое предложение? – неуверенно начала Паркер.

Мардж дружески похлопала ее по руке. Она уже знала, зачем к ней пожаловала дочь сэра Ричарда. Девчонка всегда была сорванцом, но теперь, кажется, ее намерения стали абсолютно серьезны.

– Я хочу собрать женскую команду и отправиться на корабле отца за сокровищем моего предка, пирата Блэквуда! – выпалила Элизабет как на духу и продолжила: – Поверьте, я не сошла с ума. У меня большие проблемы и единственное решение – найти сокровище. Я хотела нанять мужчин, но они... вы сами понимаете. Я знаю, что и вам нелегко решиться, и охотно поделюсь наградой в случае положительного ответа.

– Мне уже довелось слышать об этом. Что ж, я в деле! – стукнула кулаком по прилавку Мардж.

– Вот так просто... вы согласны? – слегка обескураженно спросила Элизабет, впервые столкнувшись с поддержкой своей идеи.

– Ну, я давно соскучилась по этим, как бы сказали лягушатники, вояжам. Видать, вспомнить молодость хочется не только мужчинам! – рассмеялась Мардж и продолжила: – Билл справится с лавкой, только посули ему барыши, закопанные на каком-то острове... Ручаюсь, моему отсутствию он тоже обрадуется – хоть отдохнет, бедняга. Но... у меня есть только один вопрос. Где мы наберем команду?

– Часть девушек из моей школы для арендаторов пойдут в море, но, увы, не все... Я разместила объявления и надеюсь также на помощь со стороны знакомых. У вас случайно нет на примете будущих морячек?

– Что же, дайте-ка покумекать над этим вашему новому боцману, капитан! Полагаю, этот пост еще вакантный?

Элизабет, не в силах сдержать радости, обняла женщину.

– Ваш отец гордился бы вами! – произнесла Мардж, что окончательно растрогало капитана.

Так, получив приглашение от дочери адмирала вступить в их ряды, Мардж согласилась безоговорочно и, прибыв спустя несколько дней в особняк Блэквудов, принялась обсуждать насущные вопросы с руководительницей путешествия.

Капитан Паркер шурышала разложенными на столе бумагами.

– Мы решили работать в три смены по восемь часов. Это поможет сэкономить на человеческом ресурсе, так как мы очень ограничены в людях, и каждый член команды будет на вес золота. Помимо меня и боцмана Мардж, главной по младшим чинам, у нас будет три офицера и шесть рулевых, каждый заступает в свою смену по очереди, за каждым офицером закреплено два рулевых и часть матросов. Пока что должность офицера, одну из трех, занимает лишь моя подруга леди Софи, которой я могу доверить собственную жизнь.

– Так, ну что ж, – начала Мардж, – со своей стороны удалось найти несколько подходящих людей. Две моих племянницы Джейн и Пэгги могут управиться со штурвалом – по крайней мере, со скотом на ферме они управляются неплохо, у них сильные руки. А что касается направлений, то вы уж объясните им, миледи, что к чему. Они далеко не дурочки.

– Хорошо, – кивнула Элизабет, аккуратно записывая перечисленные имена.

– Придется подучить девок такелажному делу. Я лично буду отвечать за исправное состояние канатов и якорей. Другие пусть осваивают так быстро, как могут, ремонт парусов, устранение течи, основы починки корпуса нашей посуды и даже поддержание исправности корабельных бочек... Уж с раздачей жратвы и тем, как навести чистоту на палубе, надеюсь, проблем не возникнет – тут много ума и сноровки не требуется. Но... где вы возьмете офицеров, леди Элизабет?

– Как раз для этого я и пригласила вас сегодня. Несколько женщин откликнулись на наше объявление в газете, и мы бы хотели, чтобы вы помогли нам оценить...

Но капитан не успела закончить предложение. В гостиную вошел дворецкий и объявил о прибытии сэра Реджинальда Уилфорда, давнего друга покойного отца Элизабет. Хозяйка дома велела привести джентльмена к ним, не ведая ни о цели, ни о причине столь неожиданного визита.

Леди КЭТРИН УИЛФОРД – офицер

Сэр Реджинальд Уилфорд, поклонившись, начал без обиняков:

– Леди Элизабет... Riskну показаться вульгарным, но я пришел к вам с щедрым предложением.

– Вот как? – удивилась капитан. – И чем же я обязана вашей неожиданной доброте?

– Вам известно, что мы с покойным сэром Блэквудом были добрыми друзьями и вместе служили.

– Конечно, отец рассказывал о ваших морских путешествиях.

– Дело в том, что я наблюдал за тем, какую шумиху развели газетчики вокруг вашей экспедиции... И решил поддержать вас, памятуя о том, сколь много ваш отец в свое время сделал для меня.

Паркер недоуменно нахмурилась:

– И что вы подразумеваете под поддержкой, сэр Реджинальд?

– Многое, леди Элизабет! Как минимум оружие для вашего барка. Порох и несколько мортир... Осуществить это вполне в моей власти. И это обеспечит безопасность.

Элизабет задумалась. Мортиры стали бы достойной заменой пушкам в их незавидном положении. Артиллерийские орудия с коротким стволом широко применялись в морских

сражениях, и капитану «Блэквуда» выпал шанс заполучить себе оружие, которое сможет им помочь в случае нападения чужого корабля, заинтересовавшегося их женским барком.

– От лица всей команды я хочу выразить вам огромную благодарность за вашу доброту.

Реджинальд Уилфорд покачал головой:

– Но это далеко не все, леди Элизабет! Я готов обеспечить капитальный ремонт вашего судна в местных доках. Мои люди позаботятся о том, чтобы все было выполнено в кратчайшие сроки... Вместо месяца они смогут отремонтировать барк за пару недель!

– За две недели? – ахнула Элизабет. – Но к чему такая спешка?

– Мне искренне хочется, чтобы вы как можно скорее смогли осуществить вашу мечту, моя дорогая! И исполнить волю вашего знаменитого предка!

Что-то в этом чересчур заманчивом предложении Уилфорда вызывало у капитана Паркер подозрения. Сохраняя как можно более приветливый вид, она поинтересовалась:

– Как же я смогу отплатить за вашу доброту? Вы слишком любезны, сэр Реджинальд...

– О, если вам кажется, что я претендую на часть сокровищ, прошу вас, не беспокойтесь!

У меня есть лишь одна просьба.

– Просьба?

– Да. Я умоляю вас, нет, я вас нижайше молю: возьмите себе в команду мою дочь леди Кэтрин!

– Леди Кэтрин?! – поразились капитан.

Кэтрин Уилфорд она помнила по редким встречам в высших кругах как златоволосую нежную барышню с тонкими чертами лица, обладающую изысканными манерами. Трудно было даже вообразить ее в амплу морехода!

– Она хочет отправиться в путешествие? – недоверчиво спросила Элизабет.

– О, она просто мечтает об этом! Уж я как могу наставляю ее сейчас. Поймите меня правильно, леди Элизабет, я посодействую вашей экспедиции более чем щедро, но моя дорогая дочь должна иметь достойную ее положения должность в команде. Например, офицерскую. Насколько я понял, эти посты у вас еще не заняты...

– Вы совершенно правы, сэр Реджинальд.

– Так разрешите же позвать ее сюда к нам? Она жаждет встречи с такой необычной и смелой дамой, как вы, уверяю!

Элизабет покорно кивнула. Вызвав дворецкого, Софи попросила привести к ним дочь почтенного гостя, молчаливо ожидавшую приема вместе с другими кандидатками в общей зале.

Вошла Кэтрин Уилфорд. Она казалась еще более изможденной и бледной, чем обычно. Капитан натянуто улыбнулась:

– Рада вновь вас увидеть, леди Кэтрин.

– Это большая честь для меня, леди Элизабет, – поклонилась девушка.

– Вам лучше привыкать называть меня капитан Паркер, а самой отзывается на «офицер Уилфорд», если вы действительно так хотите отправиться в путь, как утверждает ваш добрый и щедрый отец.

Уилфорд-старший просиял:

– Она очень хочет! Правда, моя дорогая?

– Возможно, мы дадим юной леди ответить самостоятельно, сэр Реджинальд? – довольно резко вмешалась Элизабет.

В комнате на мгновение воцарилась абсолютная тишина, после чего леди Кэтрин еле слышно начала свою высокопарную, будто выученную наизусть, речь:

– Я действительно хочу присоединиться к вашей экспедиции! Какая честь – принять участие в таком неоднозначном на первый взгляд приключении! Времена меняются, и ваше путешествие, леди... простите, капитан Паркер, войдет в историю Британии как первый серьезный

шаг в борьбе за равенство между дамами и господами, что есть признак общества просветленного и цивилизованного. Я много читала о морских путешествиях на греческие острова, либо в земли османцев и представляла себя...

– Не будем утомлять капитана твоими литературными предпочтениями, дорогая! – сердито прервал девушку отец.

Естественно, эта парочка показалась Элизабет странной, но предложение сэра Реджинальда Уилфорда было столь многообещающим и сулило скорую возможность выйти в море, потому капитан кивнула и указала девушке на комод у стены, где высились стопки бриджей, чулок, жилетов, сюртуков и рубашек:

– Офицер Уилфорд, будьте любезны, примите ваш мундир.

Сэр Реджинальд с трудом мог сдержать ликование.

– Леди Элизабет! – воскликнул он. – Вы представить себе не можете, как сильно я вам признателен за то, что вы возьмете с собой леди Кэтрин!

Он хочет от нее избавиться. Он хочет избавиться от своей дочери как можно быстрее.

Когда Кэтрин подошла к ним вновь, прижимая к шуплой декольтированной груди ворох мореходского наряда, ее лицо исказилось столь заметной мукой, что Софи взволнованно заинтересовалась:

– Вы хорошо себя чувствуете, леди Кэтрин?

– Да, офицер де Вер, умоляю вас, не беспокойтесь обо мне! Просто в этой одежде есть что-то... – Кэтрин моргнула несколько раз, пытаясь сформулировать свои ощущения. – Она так сильно пахнет... специями?!

Мардж рассмеялась:

– Ах, вот оно что! Боюсь, этот запах отпугивал моль в одежном хранилище, миледи. Форма несколько лет провалялась на складе.

Сэр Реджинальд нетерпеливо цокнул языком:

– Попросишь горничную проветрить хорошенько, и дело с концом... Ну, идем! – он крепко, почти грубо схватил дочь за локоть. – Не будем докучать дамам. Леди Элизабет, леди Софи, миссис... – он вопросительно уставился на Мардж.

– Уайт, – подсказала та.

– И миссис Уайт, позвольте откланяться! Я свяжусь с вами насчет обустройства и ремонта судна в ближайшие дни! Всего вам хорошего, дамы!

С этими словами он покинул гостиную, чуть ли не силком таща за собой перепуганную белолицую Кэтрин Уилфорд.

Несколько мгновений трое женщин пребывали в полном недоумении и молчании.

– Они какие-то чудные, – наконец промолвила Элизабет.

Софи согласилась:

– Не то слово. Но, как бы то ни было, он предлагает выгодную сделку. И мы сглупим, если не примем его предложение. Я запишу Кэтрин Уилфорд вторым офицером после меня... И кто там следующий на сегодня?

ДОМИНИКА – офицер

Капитан вспомнила подписанное одним только именем письмо.

– Иностранка.

– Иносранка, – усмехнулась Мардж.

Софи же, услышав грубое словечко, демонстративно поджала губы.

Когда дворецкий представил им Доминику, все трое были поражены в первую очередь красотой девушки. Это была высокая, статная молодая дама с тяжелыми каштановыми волосами и темными глазами, в которых можно было утонуть. Ее загорелая кожа притягивала взгляд, однако, истинным сокровищем Доминики оказался голос – певучий и глубокий одновременно. Ее произношение было безупречным, что позволило предположить, что девушка проживает в Англии уже много лет.

– Ну что ж. Я родилась на севере Италии в очень бедной семье, – начала свой рассказ Доминика.

Ее детство прошло в деревушке близ Тренто, у подножья Доломитовых Альп, что сверкают всеми возможными переливами розового в закатных лучах. Весной в снежных долинах расцветают эдельвейсы, а реки ускоряют свое течение, огибая близлежащие городки, усыпанные домишками цвета терракоты.

«Лето, лето, не уходи, мне всего лишь восемь!» Именно в таком возрасте, ввиду бедственного положения семьи, родители отдали ее в монастырь. Там Доминика обучилась грамоте, пропадала часами в библиотеке, с удовольствием читая редкие книги. Однако самым главным и впечатляющим открытием в монастыре для Доминики стал хор. Пение давалось маленькой послушнице легко и приносило удовольствие, а толстые каменные стены базилики святой Люции совсем скоро стали ее настоящим домом. Монахини познакомили ее с музыкальными сочинениями Хильдегарды Бингенской, и жизнь наполнилась невыразимым чувством прекрасного, которое отразилось в самом прекрасном даре Господа людям — в музыке.

Спустя несколько лет Доминика отправилась в Лигурию вместе с настоятельницей, которой помогала, выполняя различные мелкие поручения. Именно там, на побережье, она встретила его.

Мардж широко улыбнулась:

– Он был красавчик?

– Он был британский морской офицер, – вздохнула итальянка.

Когда обоюдная страсть поглотила их, он уговорил ее бежать из страны. Поселиться в его лондонском доме и стать названной женой. «Лето, лето, не уходи, мне всего лишь семнадцать!» — напевая, махала она рукой растворяющемуся вдали горизонту с разноцветными яркими домиками Генуи.

С любимым им выпало столько счастья, сколько только может случиться в жизни людей, подобных им. Естественно, общество бы никогда не приняло их союз, но это было неважно. Они путешествовали, они веселились, они благодарили небеса за каждый день их совместного счастья.

Беда пришла в лице неизлечимой болезни, унесшей драгоценную жизнь возлюбленного. Доминика помнила, как он угасал, помнила последние попытки выбираться вдвоем на свежий воздух в тщетной надежде напитать тающее брэнное тело солнечными силами.

Она держала его за руку на лужайке Гайд-парка, глядя в огромные небеса. «Лето, лето, не уходи. Мне всего лишь двадцать девять».

– Он умер месяц тому назад, – окончила Доминика. – Так как своих детей у него не было, все ближние и дальние родственники тут же бросились в борьбу за наследство. А меня выкинули на улицу. Они даже наняли головорезов, чтобы найти и убить меня.

Мардж всплеснула руками:

– Иисус, Мария и Иосиф, ну ты и попала в передрагу!

– За то, как мы с ним жили, его считали безнравственным человеком. И меня. Мы были безнравственны в глазах всего мира.

– Вы ходили с ним в море, я правильно поняла? – уточнила Элизабет.

– О да, несколько раз! Правда, это было... словно часть представления.

– Представления? – переспросила Софи.

Итальянка потупилась, видно было, что говорить об этом ей нелегко.

– Он наряжал меня юнгой и записывал в команду под чужим именем. Я была мальчиком по имени Доменико. Так мы разыгрывали всех на борту, чтобы не разлучаться во время его выходов в море, и сумели добраться до многих чужих берегов...

– Ну и ну... – озадаченно протянула Мардж. – Такое разве что на сцене показывают.

– Возьмите ваш мундир, офицер, – хлопнув в ладоши, скомандовала Элизабет. – И добро пожаловать в команду! Я не стану отвергать человека образованного и опытного только из-за того, что о нем думает общество. О нас, знаете ли, слухи ходят не лучше.

– Это точно, – с недовольным вздохом согласилась Софи.

Доминика радостно воскликнула:

– Спасибо, капитан! Вы спасаете мне жизнь! – И, сделав книксен, она покинула гостиную.

Женщины все еще не могли прийти в себя после достойной новелл Бокаччо биографии заезжей уроженки Тренто.

– И всё-таки... Она содержанка, – удрученно покачала головой Софи. – Слава богу, хотя бы не натурщица. Уже страшно представить, кто будет следующим.

– Всего лишь бывшая горничная, – успокоила подругу Паркер. – Ее зовут Клэр, она тоже ответила на объявление, – с этими словами Элизабет вновь вызвала уже измученного дворецкого с просьбой привести еще одну кандидатку в мореплаватели.

Спустя несколько мгновений дверь в очередной раз открылась, и в комнату вошла худощавая женщина лет тридцати на вид, облаченная в наглухо зашнурованное траурное платье. Ее волосы были такими же черными, как и одежда, но белоснежное, словно фарфоровое, лицо сохраняло спокойное, даже слегка торжественное выражение, словно женщину переполняла неведомая гордость за что-то – возможно, за то, что ей хватило смелости решиться на такой рискованный шаг, как морская экспедиция.

КЛЭР ЛАТИМЕР – штурман

– Итак, миссис Латимер, вы когда-нибудь путешествовали по морю? – устало поинтересовалась Элизабет.

– Нет, – покачала головой брюнетка. – Я была сугубо сухопутным человеком до настоящего момента.

– Но что вас привело к нам?

– Мне хорошо даются подсчеты. Арифметика и астрономия. Если вам нужен кто-то, кто сможет определить место корабля в море, рассчитать продолжительность плавания и скорость, да даже рабочее время команды и график смен... Думаю, я смогу это сделать. И кроме того... – Глаза гостьи загорелись, когда она заговорщицки добавила: – Смотрите, что у меня есть!

С этими словами Клэр Латимер подошла к столу и развернула свиток, который до этого держала в руке. Это была карта, где до мельчайших подробностей были прорисованы морские течения, острова, опасные рифы и другая полезная информация, которая может пригодиться мореплавателю.

– Откуда у вас она? – поразились Мардж.

– Ее рисовал адмирал Меттьюс. Я служила в его доме близ Манчестера.

Элизабет заворожено рассматривала карту:

– Полагаю, это копия?

– Но ювелирно точная, миледи! – с гордостью подчеркнула Латимер.

– Это, без сомнения, впечатляет...

– У меня их несколько! Я также скопировала некоторые путевые записи в дневниках адмирала и переписала справочники по навигации из его библиотеки.

– Но зачем тебе это понадобилось, милая?! – поразила Мардж.

– Сказать по правде, всю ночь не могла уснуть, когда прочитала в газете об этой идее...

Мне безумно хотелось вас увидеть! – С этими словами Клэр пристально взглянула в глаза Элизабет. – И самое важное: мне НЕОБХОДИМО попасть в те же края, что и вам. По личным причинам. Я могу заниматься расчетами и прокладыванием пути, определять наше пространственное положение, если вы сообразовываете...

Не веря в такое везение, Паркер перебила ее:

– Вы хотите стать нашим штурманом, миссис Латимер?

– Именно, капитан, – прошептала черноволосая женщина, после чего ее лицо исказилось в каком-то полудождимом оскале, и она выпалила: – Возьмите меня с собой, я не могу больше тут оставаться... Заберите меня отсюда, я умоляю вас!

Подобного всплеска эмоций никто не ожидал от этой хладнокровной с виду бывшей горничной. Элизабет попыталась было разрядить обстановку и как можно мягче произнесла:

– Умолять уж точно не стоит, как бы вам самой потом не пожалеть о вашем скоропалительном решении...

Внезапно в их диалог вмешалась Софи совершенно нетипичным для нее беспардонным образом:

– Вы замужем?

– Я вдова, – уже совершенно спокойно ответила Клэр.

– Примите наши соболезнования, – мягко сказала Элизабет.

Однако Софи никак не унималась:

– У вас есть дети?

– Нет, миледи, – улыбнулась брюнетка. – Мой супруг был хорошим человеком: мы всегда больше разговаривали, чем целовались.

Мардж подавила ухмылку:

– А вы остры на язык, миссис Латимер!

– Пожалуйста, возьмите ваш мундир, – обратилась Элизабет к остроязычной. Кажется, им наконец действительно начала сопутствовать удача.

Подойдя к сложенным в стопку предметам морского гардероба, Клэр взяла темно-синий сюртук и бережно расправила его передней стороной к себе. На мгновение она залюбовалась строгим нарядом: *должно быть, так свободно и здорово вышагивать в брюках, а как изумительно сверкают пуговицы с якорями!..*

Клэр Латимер чихнула.

На этот раз вся троица корабельного руководства дружно расхохоталась.

– Это средство от моли, миссис Латимер! – покрасневшись от смеха, объяснила Мардж. – Форму хранили на складе, пропитанную травяной смесью да камфорой. Вы не первая, у кого запах толченых сорняков вызывает такую реакцию сегодня.

– О, с этим неудобств не будет, – пообещала Клэр. – Я выросла рядом с аптекарской лавкой, так что мне не привыкать.

Дальше тему с чихательными сюртуками никто не развивал. Попрошавшись, штурман покинула дом Элизабет и, идя по улице с огромным свертком униформы в руках, продолжала улыбаться самой себе.

– Или она золотая умница, или всем нам принесет беду, – пробормотала Мардж, внося имя Латимер в графу «штурман» их самодельного судового журнала.

– Кто-то же должен знать математику... – принялась рассуждать вслух Софи. – Ясно, что в таких семьях, как у нас с Элизабет, математику не учат. Ведь мы не какие-нибудь извозчики!

– Пока что, – мрачно ответила капитан, не забывая о собственном пошатнувшемся финансовом положении и об угрозе конфискации родового поместья.

После беседы с двумя перспективными офицерами и штурманом дамам в гостиной предстояло еще встретиться с не самыми благополучными представительницами английского общества. Бывшие узницы тюрем, уличные бродяжки и даже падшие женщины вереницей потянулись на корабль Элизабет Паркер в поисках наживы и легких денег. К концу такого тяжелого и насыщенного самыми разными знакомствами дня капитан вместе с Софи и Мардж наконец-то позволили себе чай. Блаженно откидываясь на спинку мягкого кресла, Элизабет вдруг вспомнила сцену Клэр с мундиром и не смогла удержаться от смеха:

– Она чихнула, потому что эти поганые сюртуки тысячу лет провалялись на складе!

Мардж удивленно подняла брови:

– Вас это так позабавило, капитан?

– Да, пожалуй, – задумчиво произнесла Элизабет. – Меня это позабавило.

Клэр Латимер предстояло решить много дел перед отъездом. Подшить форму, собрать карты и измерительные приборы, успеть зарисовать клеточки на стекле под штурманскую дощечку... и навсегда завершить некоторые досаждающие проблемы.

Покидая родные пригороды Манчестера, черноволосая женщина в траурном платье решила напоследок заглянуть в мастерскую гравюр и акварельных рисунков, принадлежащую семье Эйдена, закадычного друга ее брата. Несколько лет назад Эйден Рэдклифф открыл еще одну лавку в Манчестере, и, судя по его рассказам, торговля картинами там шла прибыльнее, чем в их родном захолустье. Но Эйден не представлял для Клэр никакого интереса – скорее, это было то отроческое приятельство, которое всегда обречено угаснуть с годами. Да и сам молодой художник куда больше ценил компанию ее брата, нежели саму Клэр. Но тем не менее именно его дом оказался последним и главным местом визита штурмана Латимер перед отплытием.

– Мистер Рэдклифф! – принялась она стучать в окно. – Откройте, мистер Рэдклифф, это я, Клэр!

Никто не отзывался, зато поведение молодой женщины на пороге лавки художников сразу же вызвало любопытство. Из соседнего дома высунулось постное лицо какой-то недовольной старухи:

– Он давно здесь не живет! – буркнула соседка и, оглядев Клэр с ног до головы, прибавила: – И вообще-то, Эйден женился.

– Мне нужен его отец! – огрызнулась Клэр и вновь принялась стучать по темному дереву ставен: – Мистер Рэдклифф, прошу вас, откройте мне!

Наконец, послышалось шарканье шагов, дверь отворилась, и свет помещения озарил сумрачную улицу – в этой семье постоянно жгли множество свечей, не перенося воспаленными глазами полумрак и темноту. На пороге появился уставший худощавый мужчина с бесцветным взглядом и сединой на висках. Его обувь была расшнурована, одежда казалась не по размеру велика, а обескровленное лицо выражало крайнюю степень утомления. Указательным и большим пальцами он держал за острие штихель – главный инструмент гравера, который изда- лека можно было принять за клинок. Но, держи он и настоящее оружие, Клэр никогда не опасалась оставаться наедине с этим человеком.

Она выдохнула, радостно вскинув свои костлявые руки, задрапированные черными вдовьими перчатками.

– О, слава богу, мистер Рэдклифф! – Клэр бесцеремонно поднялась по ступенькам и, обернувшись на по-прежнему глазевшую старуху-соседку, заговорщицки подмигнула: – Знаете, а ведь люди тут думают, что я могу вас скомпрометировать!

Мужчина ничего не ответил. Едва он успел позволить ей войти в дом да закрыть дверь, запечатлеть на ее лбу целомудренный отеческий поцелуй, как Клэр вновь принялась болтать без умолку:

– Прошу вас, вы ведь единственный, кто всегда был на нашей стороне! Мистер Рэдклифф, умоляю, мне необходим тот прозрачный пергамент, я знаю, вы сможете в этом помочь, только вы понимаете, насколько мне важно попасть на этот чертов корабль!..

– Хозяйка воздушных замков, успокойся, – мягко перебил он Клэр. – Я слышал про эту экспедицию, состоящую из одних только женщин. Не глупи, прошу тебя.

– Вам просто нет дела, мистер Рэдклифф... – горько заметила брюнетка.

Пожилой гравер указал на стол, куда его кухарка уже успела притащить чайник, две изящных кружечки и блюдо с выпечкой.

– Видишь этот кекс с корицей? – сказал он. – Я специально заказал такой у пекаря, зная, что кое-кто любит корицу.

Латимер сокрушенно покачала головой:

– Вы рассуждаете, как мой покойный муж. Тот тоже постоянно твердил, что забота о насущных вещах и есть признак любви и дружбы.

– А разве нет? – не поверил пожилой мужчина.

Не притронувшись к чаю и угощению, Клэр резко встала с кресла и направилась обратно к выходу, забрав с каминной полки заранее приготовленный для нее сверток, перетянутый тесьмой. Наскоро поблагодарив хозяина дома за таинственный сверток, она в спешке потянулась за накидкой, беспрестанно сетуя при этом:

– Вам просто нет дела, и никогда не было! Вы лишь притворялись нашим другом, мистер Рэдклифф. Дайте мне уйти, нет, я настаиваю, дайте мне уйти... Вам нет дела ни до меня, ни до него! Ваша доброта велика, но вам всегда было плевать на нас с ним, мистер Рэдклифф.

Шестнадцатого мая 1820 года барк «Блэквуд» был готов к отправлению в неизвестные дали из порта Ливерпуля.

Судно отремонтировали, и сейчас оно являло собой прекрасное зрелище: все мачты, кроме кормовой, были оснащены прямыми парусами, ослепительно блестящими белизной под сияющим весенним солнцем. На бизань-мачте⁴ рей не было, потому паруса там были косые. После капитального ремонта, оплаченного сэром Реджинальдом Уилфордом, был полностью обновлен рангоут – все деревянные детали, несущие паруса: рей, мачты, стеньги и многое другое. На корме установили судовой колокол, по ударам которого обычно велась вся повседневная жизнь на корабле и с помощью которого можно было подавать сигналы во время тумана либо бить тревогу в случае пожара. Также на корме появился большой, богато украшенный фонарь, в чей корпус было вставлено два десятка стекол.

Личный состав был в сборе и в меру своих пока что скромных возможностей готовил корабль к отплытию, таская с причала бочки, сундуки и ящики. Наполнялось провизией хлебохранилище, гигантскими полотнами ткани полнился парусный склад.

За день до этого капитан Паркер попрощалась с родным поместьем, все управление которым она торжественно перед слугами вверила своему сыну Уильяму. Полагаться на мужа в этом вопросе являлось бы самоубийством. Конечно, доверить ребенку-подростку усадьбу было как

⁴ Бизань – задняя, кормовая мачта трехмачтового судна.

минимум самонадеянно, но у Элизабет не было иного выбора. Если в мальчике текла кровь Блэквудов, он будет вынужден справиться и принять вызов, ибо судьба готовит впереди еще немало ударов и неожиданностей. Уильям же отнесся к решению матери как к великой чести, и деловито заверил собравшихся слуг, что готов попробовать себя в роли землевладельца и хозяина дома, к вящему умилению всех вокруг...

Итак, корабельная команда готовилась покинуть родные края, чтобы потом, конечно же, триумфально вернуться с добытыми богатствами. Их гнала вперед жажда приключений, стремление победить и впоследствии пожинать богатый урожай назло всем проклятьям, коими их щедро осыпали люди.

На причале толпа самых любопытных горожан гудела и улюлюкала вслед барышням-мореходам. Те же, не желая игнорировать смешки, щедро одаривали зевак отменной бравью и неприличными жестами.

Неожиданно внимание девушек привлек какой-то переполох на палубе. Боцман грозно указывала на деревянную клетку, каким-то образом оказавшуюся среди сундуков с личной поклажей команды.

– А это еще что? Кто притащил на борт хорька?! – сурово спросила Мардж.

– Какая разница кто, давайте возьмем его с собой? Он милый и обязательно принесет нам удачу! – запричитала Филлис Карпентер, получившая должность корабельного плотника и ныне проверяющая ящики с инструментами. – Прошу вас, позвольте нам оставить хоть какую-то живность! У него даже есть имя – Король Артур.

Заслышав смех остальных, боцман смягчилась, однако, не собиралась сдаваться так просто.

– Пусть будет по-твоему, дочка! – У Мардж все они были «дочками». – Но кормить его будете сами.

В конце концов, на судно ведь погрузили двух коз и несколько куриц, так отчего же им отказываться от хорька? Конечно, пока его держат подальше от клеток с домашней птицей...

Меж тем процесс обустройства продолжался. Девицы уже ругались из-за того, что некая Мод страсть как любит распевать народные песни, да вот только делает она это в уж больно унылой манере. «Когда ее слушаешь, хочется самое меньшее уснуть, а самое большее – сдохнуть!» – ворчала конопатая Сьюки Хоббс, недавно выпущенная на свободу из тюрьмы, где отбывала срок за воровство.

Отвлечшись от матросских свар, Мардж взглянула выше деревянных ступеней.

Элизабет Паркер поднялась на капитанский мостик, где ее уже ждали четыре дамы в синих сюртуках с блестящими золотыми пуговицами. В первую вахту дебютировали офицер Софи де Вер с рулевыми Анной, Пегги и еще двумя десятками девушек-матросов. Однако сейчас рядом с Софи стояли и Кэтрин Уилфорд, по-прежнему осунувшаяся и болезненная, и Доминика, чье красивое смуглое лицо радовалось лучикам солнца, и Клэр Латимер, даже поверх мундира повязавшая черную траурную ленту на правое предплечье.

До капитана доносились обрывки их разговора. Штурман на что-то сетовала:

– Если бы я была мужчиной...

Де Вер ухмыльнулась:

– О, наверняка вы были бы каким-нибудь уродцем!

– Софи! – немедленно вмешалась Элизабет. – Ты теряешь чувство пристойности!

Но Клэр, казалось, не так просто было задеть. Она лишь пожала плечами:

– Вряд ли я была бы уродцем. У меня есть брат-близнец, он вполне ничего. Но вот если бы я была мужчиной... было бы легче справиться со всем этим.

– Как и всем нам, – сухо обронила Софи.

Элизабет недовольно нахмурилась, ей не нравилось уже зарождающееся разногласие между первым офицером и штурманом. Однако сейчас было не время отвлекаться на подоб-

ные вещи. Впереди ее ждал океан. Вспоминая прожитые годы, Паркер поразились, насколько наивным и умозрительным все казалось сейчас: озеро Девы, дружба с Мэйбл, надежды родителей на счастливый брак, бесконечные попытки самоопределения... Наконец-то все это можно было перечеркнуть огромным крестом. Рыжебородый предок незримо стоял за ее спиной, благословляя в добрый путь. «*Mo ghrá, mo ghrá*»⁵, – шептала Элизабет своему кораблю, ласково поглаживая теплое просмоленное дерево. Высоко подняв вверх руку, капитан Паркер командовала:

– Отдать швартовы!

И началась настоящая жизнь.

⁵ «Моя любовь, моя любовь». (гэльск.)

Глава 3

Первые беды, первые поражения

Как это заведено в плохих историях, неприятности и происшествия посыпались на команду Элизабет Паркер словно из рога изобилия, стоило им провести лишь несколько недель в открытом море.

Барк «Блэквуд» представлял собой крепкое мореходное судно с прямым широким носом, а небольшая осадка позволяла кораблю уверенно чувствовать себя на воде. Две мачты, фок⁶ и грот⁷, гордо несли прямые паруса, а на бизани подняли контр-бизань⁸ и крьюсель⁹. Увеличить ход барка позволяли несколько косых треугольных парусов, расположившихся между передней фок-мачтой и бурсом, выступающим вперед с носа корабля, – в профессиональной терминологии данный бурс именовался «бушпритом». Изумрудное и горькое Ирландское море уже готовилось попрощаться с командой капитана Паркер и выпустить их в открытый океан, а потому бодро несло судно на всех ветрах.

В тот момент, когда земля превратилась в тонкую полосочку удаляющегося горизонта, Элизабет вдруг почувствовала себя неопытной маленькой девочкой. Щемящее чувство страха предательски сдавило сердце. Она смотрела на юных девушек, стоящих на шканцах¹⁰ и с тоской наблюдавших за бледнеющей вдаль землей. Все они были одеты в купленные у старьевщиков разномастные бриджи и рубахи, все завязали на цыплячьих шеях платки. Странно, как их век, поощрявший обширные декольте, тем не менее полностью скрывал от посторонних глаз женские ноги. Не потому ли в театрах небывалым успехом пользовались пьесы, в которых актрисы носили мужской костюм? Ведь только так публика могла законно любоваться изящными женскими ножками. На борту «Блэквуда» этих ножек было в избытке, они шатко ступали, пытались выработать походку, позволяющую удерживать равновесие при качке, они делали что могли, равно как и их хозяйки. Особенно длинные ноги, как, например, у Клэр Латимер, шагали более уверенно, но все равно осторожно.

В один из вечеров капитан вместе с рулевой стояла у штурвала, и ее внимание почему-то привлекли доносившиеся разговоры, приглушаемые порывами ветра:

– Я сказала ему: «Пока, Микки!», придурок совсем меня доконал. Я уплываю за моря и разбогатею так, что ты приползешь ко мне на коленях!

– А я сказала: «Счастливо оставаться, маман!» своей старухе, – подхватила Мод.

– А с кем вы попрощались последним, миссис Латимер?

Элизабет вздрогнула, услышав эту фамилию. И верно, стоявшая неподалеку штурман не замедлила с ответом:

– Я сказала: «Прощай, мистер Бэйтс» дворецкому, у которого работала. Вот так и бросила ублюдку прямо в лицо: «Goodbye, mr. Bates!»

Капитан отметила про себя, что на слове «ублюдок» акцент миссис Латимер изменился, став более стакатным, топорным. Тем временем Сьюзен Хоббс, долговязая веснушчатая воровка, как бы невзначай уточнила:

– Не тот ли это был мистер Бэйтс, что служил у адмирала Меттьюса? Вот диво дивное: он умер за день до нашего отплытия. Может, наш штурман поспособствовала этому?

⁶ Фок-мачта – передняя мачта, первая, считая от носа к корме.

⁷ Грот-мачта – вторая мачта, считая от носа корабля.

⁸ Контр-бизань – косой парус, ставящийся на бизань-мачте.

⁹ Крьюсель – парус на бизань-мачте.

¹⁰ Шканцы – помост или палуба парусного судна на один уровень выше шкафута, часть верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты.

Раздались одобрительные смешки, и Латимер, лукаво сощурившись, решила подыграть остальным:

– Я бы предпочла, чтобы вы именно так и думали! – загадочно улынулась она.

Эта тощая мерзавка, если и в состоянии кого-то убить, то разве что прихлопнуть муху. И то с большим везением.

Именно так подумала Элизабет и резко мотнула головой, будто пытаясь отогнать так неуместно охватившее ее постыдное чувство предвзятости. Ей захотелось совершить нечто необычное, такое, что могло бы поднять дух команды и еще больше сплотить их всех.

Боковым зрением Паркер заметила на себе пристальный и любопытный взгляд Клэр Латимер. Капитану стало неприятно, что подчиненная поймала ее в момент слабости, и по пути в свою каюту Элизабет ответно смерила штурмана недовольным взглядом.

Собравшись с духом в уединении, спустя полчаса она вновь вернулась на палубу, где, встав перед командой, распустила свои длинные осенне-рыжие волосы, взяла ножницы, которые с первых же дней плавания начала грызть ржавчина, и решительными движениями остригла волосы по самые плечи. Женщины в молчании и трепете следили за ее действиями, а кто-то даже вздохнул от удивления.

– Капитан с короткими волосами теперь как Каро Лэм, – с сарказмом прокомментировала увиденное миссис Латимер, вспомнив экзальтированную распутницу из высшего света, чей адюльтер с лордом Байроном в свое время потряс всю Англию¹¹.

– Леди Каролина Лэм безумна, – нахмурившись при упоминании скандального имени, вынесла приговор стоящая рядом Кэтрин Уилфорд.

Состриженные пряди Элизабет устремились в море. Страхнув оставшиеся медные волоски с эполет, капитан торжественным жестом, будто знамя побежденного врага, подняла вверх корсет от своего платья и тоже выкинула его в море.

– Я знаю, что вам страшно, ведь теперь вы столкнулись лицом к лицу со стихией! – заговорила она, обращаясь к своим людям. – Почти все из вас тут новички. Но это не повод лишаться веры. Веры в себя и в то, что мы с вами – отважнейшие из женщин и вскоре разбогатеем так, как и не снилось нашим мужьям и отцам. Мы – избранные! Соль земли – вот мы кто! И пока мы верны нашей цели и действуем сообща, мы смелее всех воинов в мире, вместе взятых!

Услышав одобрительный гул в толпе, Элизабет продолжила:

– Я обещаю, что мы дойдем до конца, ведь великие сокровища ждут нас! Нет такой работы, которая не была бы нам по плечу. Я буду вашим учителем и наставником и клянусь ценой собственной жизни защищать ваши!

Восторженные возгласы собравшихся становились все громче, и капитан подняла руку, призывая к тишине.

– Давайте же принесем в дар женам Нептуна наши корсеты! И пусть он будет добр к нам в пути! Долой неудобную одежду, в которую нас рядили на берегу! Долой правила узколобого общества и английской морали! Ура!!! – крикнула Паркер.

– Тройное ура капитану! – скомандовала Мардж.

– Ура! Ура! Ура! – проскандировали женщины и бросились стягивать с себя рубахи. Отовсюду доносилось: «Джейн, а ну расшнуруй меня, дышать не могу в проклятом панцире!», «Отдала чуть ли не гинею за этот корсет, да одни мучения от него!» и подобные сетования на этот причиняющий боль, но обязательный предмет одежды на большой земле.

Все женщины из матросов радостно бросали в море свою жертву Нептуну, и, сурово посмотрев на руководящий состав, Элизабет повторила приказ:

¹¹ Леди Каролина Лэм – британская аристократка, известная своим скандальным романом с лордом Байроном в 1812 году.

– Это относится и к вам, дамы!

Софи неохотно рассталась с корсетом, надеясь, что никто по возвращении домой не узнает об этом прецеденте. Конечно же, она смирилась с тем, что подавляющее большинство корабельной команды принадлежало к самым низам общества, но это не было оправданием для капитана потворствовать их первобытной дикости! Выкинуть белье, словно в каком-то языческом ритуале, – что веселого в подобном могла найти бедная леди?

Кэтрин Уилфорд призналась, что уже некоторое время вовсе не носит корсет, так как ее фигура не позволяет больше надевать под мундир столь тесные облачения. Такое заявление удивило капитана, но не расстроило, наверняка леди Кэтрин была из тех особ, что морят себя голодом во имя светской моды, и лишь на корабле девушка позволила себе питаться вдоволь (пока их запасов провизии еще на это хватало).

Клэр Латимер отдала свою дань морю без сожаления, но и не выказывая особого энтузиазма.

Одна лишь Доминика осталась в каюте, чтобы не попасться на глаза капитану. Она не желала выбрасывать свой восхитительный расшитый жемчугом корсет от единственного платья, которое было ей очень дорого.

Остальные, казалось, не обратили на это никакого внимания.

Крепко сжимая в руках (ибо естественная качка на корабле не допускала использования настольных инструментов) медный оптический прибор под названием секстант, Клэр зафиксировала их текущую широту в шканечном журнале:

– Мы еще больше сместились к югу, как и следует.

Элизабет наблюдала, как тонкие губы штурмана сложились в некое подобие ухмылки. «Почему она так выводит из себя?» – вновь невольно подумала Элизабет, не понимая природу и мотивы своего мнения относительно Латимер.

С ней что-то не так. У нее есть какая-то загадка. Тайна! У штурмана есть тайна, в которую никто из нас не посвящен.

В последующие недели Клэр все больше раздражала капитана своей самоуверенностью, стремлением язвительно комментировать все и вся, невзирая на ранги, и вместе с тем каким-то отстраненным спокойствием, с которыми штурман флегматично рапортовала об их местонахождении или заносила в журнал свои наблюдения или «обсервации». При этом сама Элизабет о покое могла только мечтать: ей приходилось нести вахту совместно с леди Кэтрин (самочувствие бедняжки ухудшалось день ото дня) и контролировать матросов, а также бороться с трудностями, которые лавиной обрушились на новоиспеченных путешественниц. Если бы не помощь Мардж и Доминики, которая удивила всех своей осведомленностью касательно устройства корабля, то Элизабет Паркер просто бы лишилась всех своих сил в стремлении справиться с возложенной на себя миссией.

Пытаясь понять, что скрывает Латимер, капитан стала присматриваться к личным вещам штурмана. Элизабет была человеком чести и достоинства и никогда бы не смогла заглянуть в чужой сундук в надежде порыться в его содержимом, но иногда она словно непреднамеренно заглядывала в каюту Латимер, чтобы лишний раз посмотреть, что находится на столе, за которым обычно сидела Клэр. Что ж, на столе менялась только посуда и гусиные перья; основными обитателями штурманского уголка оставались только жестяная банка с курительным табаком и свежее издание *Nautical Almanac*. Еще от отца Паркер слышала, что «Морской альманах» перепечатывали каждый год, начиная с 1762, и в каждый новый выпуск были внесены актуальные данные по положению Солнца, Луны и пятидесяти шести звезд на небе.

Несомненно, наличие подобных вещей указывало на цепкий ум Клэр Латимер, однако, ничем не намекало на тайну, которую эта черноволосая женщина с чересчур серьезным лицом явно скрывала от команды.

Вскоре после отплытия, что было вполне ожидаемо, половину экипажа, в том числе Софи и Кэтрин, сразила морская болезнь. Лежавшие в подвесных койках на баке матросы обессилено стонали, что повергало в дурное настроение и здоровых женщин. Больные получали через день настойку опиума, и лишь после принятия оной их боль стихала. По просьбе капитана однажды вечером Клэр Латимер занесла лекарство для офицеров Уилфорд и де Вер. И если в случае с первой это было началом зародившейся дружбы, то помощь второй захворавшей стала началом, а возможно, и продолжением сильнейшей неприязни. Софи не могла смириться с тем, что все больше людей становились свидетелями ее нездорового состояния и с интересом рассматривали офицера в лазарете, будто какую-то ярмарочную обезьянку.

Каждое утро капитан следила за тем, чтобы из трюма помпами откачивали воду, которая, несмотря ни на что, упорно проникала в корпус судна. Вонючая жидкость, добытая таким образом, сливалась в бочонок, который женщины передавали по цепочке наверх, где, наконец, выливали за борт.

К тому времени новообращенные мореплательницы уже научились передвигаться по кораблю, не падая при этом. Мардж пообещала, что совсем скоро у всех будут «морские» ноги.

Воспитанницы помещицкой школы Паркер еще на суше обучились работать в качестве марсовых¹². Худошавые, ловкие, словно воробушки, и умелые, они проворно скользили по самым верхушкам мачт. Капитан вместе с Мардж контролировали матросов, чтобы те не забывали регулярно отбивать склянки¹³. Каждая вахта меняла и человека в «вороньем гнезде» – наблюдательном пункте в виде бочки, прицепленной, точно венец, к самой высокой мачте. В обязанности такого наблюдателя входил доклад об обстановке в пределах видимости. В то время как одна часть вахтенных изучала такелаж под руководством капитана или офицера Доминики, другая часть усердно драила палубу большим куском пемзы, привязанным к тросу. После чистки пемзой палубу мыли морской водой, а затем наступал черед сухой уборки: при помощи беззубых граблей воду выжимали с палубы и гнали к шпигатам¹⁴. И каждый вечер Мардж сызнава проверяла все узлы и крепления.

Прошло больше полумесяца, прежде чем экипаж заработал, будто слаженный часовой механизм. Женщины освоились на корабле, в их движениях появилась ловкость и небывалая доселе маневренность. Морская болезнь отступила у всех, кроме несчастной Кэтрин Уилфорд. Вахты сменялась одна за другой, матросы научились засыпать мертвецким сном в любое время суток, несмотря на постоянную шумиху на палубе. В рабочее же время они драили, двигали, таскали и с песней заканчивали свою смену.

Сама Элизабет осунулась и похудела, но чувствовала, что справляется с поставленной задачей. Однажды она вышла на ту часть палубы между фоком и гротом, что звалась шкафут, и полной грудью вдохнула свежий ночной воздух. Яркое звездное небо отражалось в темных водах Атлантики и навевало воспоминания о призраках из прошлого. Капитана беспокоило, что, ввиду постоянной нехватки пресной жидкости, приходилось добавлять все больше

¹² Марсовые – матросы, находящиеся на мачтах во время управления парусами.

¹³ Склянки – песочные часы с получасовым ходом, переворачиваемые каждые полчаса часы вахтенным матросом (что сопровождалось также сигналом корабельного колокола). Также – получасовой промежуток времени на корабле.

¹⁴ Шпигаты – отверстие в палубе для слива скопившейся воды за борт.

рома в воду, которая успела испортиться даже в железных бочках. Такими темпами скоро придется пить один лишь ром, и они дружно захмелеют, что никогда не сказывалось благоприятно на службе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.